

Бони достал еще две кобуры: одну - для крепления на ремне, другую - подмышечную, как показывают в кино.

- Спасибо, Бони.

- Вот и славно! А если бы ты назвал меня заместителем начальника? Я бы швырнул тебе револьвер прямо в голову, - хмыкнул Бони. - Но, парень, пусть Большой Мак расскажет тебе про Старого Максвелла. Этот старик - не тот, кому стоит доверять.

- Обязательно, - поблагодарил Орвицка. Как бы то ни было, Бони явно желал ему добра. Уходя, Орвицка задал еще один вопрос: - Почему ты сказал "второй револьвер"? У меня же раньше не было оружия.

- Конечно, второй, - усмехнулся Бони, опираясь на стойку и скользнув взглядом ниже пояса Орвицки. - Или... неужели я не так понял, и у тебя до сих пор нет твоего первого "револьвера"?

- ... - "Старый развратник", - Орвицка закатил глаза и попрощался с Бони.

Поворачиваясь, он все еще слышал его смех за спиной.

Выйдя из подвала, Орвицка подумал, что ему следует найти Большого Мака, но идти в кабинет детективов было все равно что лезть в пасть льву. Поэтому он поднялся на второй этаж, в комнату отдыха патрульных.

В комнате было не так шумно, как в прошлый раз. Всего трое мужчин сидели и болтали, и все - бородатые.

Взгляд Орвицки застыл. С момента представления в первый день он видел членов группы Большого Мака еще несколько раз, но мог узнать только рыжеволосых братьев Кадо да Макса Ватта, мастера на выдумки. "Будь это фэнтези, бородатые гномы хотя бы заплетали бы бороды по-разному, но у этих парней они были совершенно одинаковыми".

Среди этих троих явно не было тех двоих, кого он мог бы узнать. Орвицка даже не был уверен, на чьей они стороне - Большого Мака или его противников.

- Эй! Мондэйл! - окликнул его один из бородачей и дружелюбно подошел. - Ты что, проломил парню башку? Своей дубинкой?

Только что отделившись от старого развратника Бони, Орвицка, услышав такой вопрос, инстинктивно хотел сжать ноги, но это ощущение длилось лишь мгновение.

- Я не хочу об этом говорить, немного противно, спасибо, - ответил он. О других вещах он мог бы пошутить, но не сейчас. Его даже начало охватывать раздражение - почему каждый раз, когда ему почти удавалось заглушить эти ужасные образы в голове, кто-то обязательно напоминал о них?

Разбираться, кто друг, а кто враг, уже не было нужды. Орвицка мрачно подошел к окну и сел на стул.

Патрульные пожали плечами и вернулись к своему разговору.

Из окна комнаты отдыха патрульных открывался вид уже не на район Рыбий Хвост, а на оживленную улицу Белого Кирпича в районе Ракушки, названную так потому, что вся она была вымощена длинными белыми плитками. Окно выходило прямо на... заднюю стену универмага "Жемчужина".

С улицы Подковы полицейский участок казался высоким и внушительным зданием, самым

высоким по сравнению с окружающими постройками. Но из этого окна участок превращался в жалкое строение, утопающее в тени высоток.

Эта тень сейчас падала и на лицо Орвицки - милое юношеское лицо с отсутствующим выражением.

Но на самом деле он хотел закричать: "Спасите!".

С ним такое было не впервые. В прошлый раз это случилось на Голубой планете, когда он еще не окончил университет.

Последний визит мамы показался ему странным. Ни она, ни отец не отвечали на звонки. Ему пришлось срочно сбежать с пар и поехать домой. Открыв дверь, он увидел... повешенное тело матери и комнату, залитую кровью.

Мама убила папу, а потом повесилась...

Классическое начало фильма ужасов, ставшее его реальностью.

Он не мог плакать. Больше недели он даже не мог говорить. К счастью, полицейский, занимавшийся его делом, заботился о нем, иначе он бы умер от голода и жажды.

Он почти оправился, но теперь сцена смерти родителей снова болезненно всплыла перед глазами. Орвицка прекрасно понимал, что теряет контроль не только потому, что случайно

убил человека, но и из-за огромного стресса последних дней.

Ему нужно было подумать о чем-то хорошем. Или даже о чем-то злом или постыдном - о чем угодно, лишь бы отвлечься от произошедшего. Здесь ему никто не поможет, только он сам. Он не мог потерять и себя.

Орвицка начал лихорадочно перебирать в уме всевозможные образы - и те, что принадлежали Орвицке, и те, что остались от Чжоу Дуаня, - заполняя ими мозг, чтобы вытеснить смерть.

- Цыц! - вдруг тихо хмыкнул Орвицка.

В его сознании всплыла совершенно нелепая картина, оказавшаяся самой действенной - сцена из сна, увиденного вскоре после попадания в этот мир: подвязки, зажим для галстука, рубашка и мужчина с расплывчатым лицом.

"И как это назвать? Все мужики - животные, думающие нижней частью тела?"

Особенно это касалось Орвицки, девственника почти до сорока лет. То, что он мог сдерживаться и сдерживался, не означало, что ему не хотелось. Он просто... медленно тушился на малом огне - был скрытным развратником.

(прим. пер.: игра слов, "мэньсао" - человек, кажущийся холодным и сдержанным, но страстный внутри).

"Надо больше думать, больше думать о "нем", и тогда кровь не сведет меня с ума".

- Мондэйл? - голос Большого Мака вырвал Орвицку из его "томления".

Орвицка тут же вскочил:

- Что нам делать дальше? Возвращаться на дежурство?

- Нет, сегодня патруль уже перехватили, можем идти домой, - Большой Мак посмотрел на напряженного Орвицку и вздохнул. - Тебе тоже нужно отдохнуть. Это моя ошибка сегодня, я должен был взять оружие. Больше такого не повторится.

- Угу, - кивнул Орвицка.

Они вышли из участка, перешли дорогу и подошли к двери полицейского общежития. У порога Большой Мак спросил:

- Хочешь поговорить?

- ...Да, - Орвицка открыл дверь и жестом пригласил Большого Мака войти.

Хотя Большой Мак вряд ли рассказал бы Орвицке, кто тот неизвестный человек - этот тип называл себя защитником, но проблем доставил больше, чем защиты.

Но Орвицке нужно было обсудить с ним свое физическое состояние. Вместо того чтобы гадать самому, лучше было спросить Большого Мака, который явно знал больше о ситуации.

- Кто я... что я такое? - наконец спросил Орвицка, когда они уселись.

Большой Мак, как и ожидалось, не стал уклоняться от ответа, но его встречный вопрос лишь еще больше запутал Орвицку:

- Ты знаешь о Голубой крови?

- Их так называют потому, что у них слишком бледная кожа, сквозь которую просвечивают синие вены? - он думал, что "Голубая кровь" - это просто образное выражение для знати.

- Вы знаете о Роде Крови*? - понизив голос, спросил Большой Мак. - Хотя в миру их теперь называют вампирами - простите мне это невежливое слово.

*Автор использует "Род Крови" как основное название расы вампиров и само слово "вампир", как уничижительное. Типа: француз - лягушатник.

- ... - Орвицка был уверен, что его лицо выражает еще большее недоумение.

- И Голубая кровь, и Род Крови существуют. Это одна и та же благородная раса, - Большой Мак посмотрел на Орвицку с благоговением в глазах. - В наш век растущего научного прогресса люди сомневаются в подлинности благородных существ, но они реальны. И доказать это легко. Вы ранили безымянный палец левой руки?

- Нет.

- Можете попробовать порезать его.

Орвицка без колебаний встал, нашел небольшой нож, обдал его крепким алкоголем, прокалил над огнем, пару секунд помедлил, глядя на свой левый безымянный палец... и все же полоснул.

Кровь хлынула мгновенно. Первая капля действительно показалась синей, но тут же стала красной, так быстро, что Орвицка засомневался, не показалось ли ему.

Большой Мак наблюдал рядом, и судя по его лицу, волновался даже больше Орвицки:

- Да! Вы видели?! Только что! Боже! Действительно синяя! - его голос дрожал от волнения.

Хорошо, не показалось... а Большой Мак волновался еще сильнее.

Он собрался остановить кровь, но заметил, что рана на пальце уже затянулась. Значит, после "сытости" и регенерация ускорилась?

- Прежде чем вас доставили в больницу, мы все думали, что вы не выживете. Ваша рана тогда была лишь немногим лучше, чем у "того человека" сегодня, - продолжил Большой Мак, понизив голос. - Брайт сказал, что вас ударил по голове пьяница, бросивший бутылку, но в ваших волосах не было ни одного осколка стекла.

Голова, которая уже несколько дней не болела, вдруг снова заняла. Сегодня у того парня мозги буквально вывалились наружу. Неизвестно, кого благодарить за удачу - первоначального владельца тела или себя.

Однако пятнадцать дней... Когда его выписывали, рана на голове требовала лишь небольшого куска марли. В первый день ношения шлема он еще немного давил, но сегодня марля уже куда-то исчезла.

- Род Крови - великие существа... - Большой Мак, словно благочестивый пастор, читающий молитву, начал рассказывать великую историю Рода Крови этого мира.

В Золотой век Род Крови правил людьми. Но в какой-то период их плодовитость внезапно снизилась, и им пришлось возвысить часть людей, чтобы те помогли им в управлении. Так возвышенные люди получили письменность, научились математике, узнали, как создавать орудия труда и сражаться.

И тогда часть алчных людей выбрала предательство. Но поскольку нашлись и те, кто остался верен Роду Крови, то, хотя Род и понес тяжелые потери, он не исчез полностью.

Однако проблема низкой рождаемости у Рода Крови так и не решилась. После великого предательства людей Род так и не смог вернуть себе былое величие. Люди, становясь все сильнее, начали и дальше ослаблять влияние Рода Крови, убивая оставшихся его представителей.

Например, ужасные легенды о вампирах - это слухи, распространяемые королевскими семьями и церковью среди простого народа, чтобы очернить Род Крови.

Впрочем, сила Рода Крови была неоспорима, поэтому и по сей день среди королевских особ и знати разных стран встречаются его представители.

- Но нельзя же все сваливать на клевету? Например, те легендарные древние тираны? - Орвицка, чувствуя себя так, будто прослушал главу из фэнтези-романа, сухо спросил. Он предположил, что тот самый "какой-то период", вероятно, был переходом этого мира из эпохи высокой магии в эпоху низкой?

Легендарные древние тираны без исключения любили устраивать массовые бойни.

Что касается легенд о Роде Крови... действительно, многих знатных лордов обвиняли в принадлежности к Роду, потому что они убивали ради удовольствия. Если так посмотреть, у этих двух образов действительно много общего.

<http://bllate.org/book/17916/1715774>